

РОЖДЕНИЕ РЕБЕНКА В КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬЕ

В традиционной культуре русского крестьянства рождение ребенка было важным событием для его матери, всей семьи, ближайшего деревенского окружения. Оно нашло отражение в фольклоре и ритуале. Поэтому в качестве одного из основных источников для описания появления на свет ребенка в крестьянской семье целесообразно использовать фольклорные и этнографические материалы.

Многие действия над матерью и младенцем, опасаясь за их жизнь, совершали в тайне. Гордость и радость родителей перед обществом за рождение нового человека, наоборот должны были найти публичное выражение (например, в проведении крестин). Такая контрастность свойственная и фольклорно-этнографическим материалам о рождении ребенка. Нам до сих пор в полном объеме не известны заговоры, которые напевывала бабушка-повитуха над ребенком и родильницей. Грудно бывает также установить, к каким ее действиям могли быть приурочены уже известные нам заговоры.¹

Целенаправленному собиранию родильно-крестильной обрядности положила начало программа отделения этнографии Географического общества 1848 г. В дореволюционное время впервые появились специальные работы, посвященные данному вопросу.² Описание обрядов, связанных с рождением ребенка, содержится в обобщающей работе по этнографии славян.³ В последнее время появились статьи Т.А.Листовой с развернутой характеристикой отдельных персонажей родильно-крестильных обрядов: повивальной бабки и крестных - кума и кумы⁴. Ею же опубликована "Программа сбора сведений по обычаям и обрядам, связанным с рождением ребенка"⁵. В основном на современных полевых материалах написаны разделы о крещении и родильных обрядах в монографии, посвященной жизни североуральского крестьянства⁶.

Работы по данной теме немногочисленны и с явно выраженным этнографическим уклоном. В центре их внимания находится обряд как таковой. Например, авторы соответствующей главы в книге "На путях из Земли Пермской в Сибирь" подытоживают свой анализ следующим выводом: "Обряды и обычаи русских северного Урала укладываются в схему инварианта русской родильно-крестильной обрядности..."⁷

В данной статье этнографические и фольклорные материалы будут только средством для воссоздания событий в жизни крестьянской семьи, связанных с рождением ребенка. Вместо детального описания последовательности ритуала внимания будет сконцентрировано на поведении роженицы и действиях повитухи над матерью и младенцем. Для этого будут использованы отдельные фрагменты этнографических и фольклорных записей, дающих наиболее полное представление о том, как происходило рождение ребенка в повседневных реалиях уральской деревни.

Подобный подход к этнографическим и фольклорным источникам получил широкое распространение в исторической науке после работ М.М.Громыко⁸. Хотя для изучения такого события в жизни крестьян, как рождение ребенка он не применялся. Т.А.Листова анализирует положение повитухи в деревне именно с таких позиций, то есть исследуя место повивальной бабки в общественной, обрядовой и практической жизни деревни⁹. Но она характеризует лишь одно из действующих лиц родильно-крестильного обряда, не описывая его полностью.

Для описания рождения ребенка в данной статье будут привлечены, в отличие от большинства перечисленных работ не современные полевые материалы по этнографии, а опубликованные (в основном) фольклорные и этнографические источники о жизни крестьян Урала.

В фольклорно-этнографических источниках дано обобщенное представление о том, как происходили роды в крестьянской семье. Сведения о конкретных случаях можно получить из судебных дел. Дополнение фольклорно-этнографических материалов данными судебных разбирательств также не является новым приемом при исследовании феноменов традиционной культуры. Однако при изучении данной темы он не использовался.

Следует отметить, что судебное дело заводилось по факту криминальных родов. Очевидно, что они происходили не в совсем обычных условиях. Однако исследователь может воспользоваться данными, взяв, например, сведения с повитухах, поведении женщин во время родов, описаниях преждевременных родов и многое другое. Кроме того на фоне криминальных родов многие обстоятельства родов обычных становятся яснее и понятнее. В статьи использовались судебные дела конца XVIII - первой половины XIX в. преимущественно по Екатеринбургскому и Верхотурскому уездам.

Как женщина узнавала, что стала беременной? Одна из крестьянок так описывала свои ощущения: ей казалось, что "брюхо начинало становиться необыкновенным"¹⁰. Однако у

беременности были и более обычные признаки. Один из них - отсутствие месячных очищений¹¹. Крестьянка д.Точильная гора Улита Прохорова говорила, что "зачала жь младенца в утробе около сырной недели, ибо с той поры не стало очищений"¹². Но не все роженицы могли так точно определить время зачатия ребенка. Евгения Черепанова из Багарякской вол. сомневалась, "с которого же времени зачался у ее брюха младенец, но месячного очищения иметь не стала" тоже¹³. На более поздних сроках беременности женщина могла узнать, что она носит ребенка, "услыхав, как он шевелился в брюхе", а также если она замечала, что "против прежнего брюхо выше было"¹⁴. По этому же признаку, который можно было наблюдать визуально, узнавали о беременности и окружающие. И если вдруг женщина была "до сего времени беременною, а ныне онаго стало не видно и младенца нигде не оказалось", то это было поводом для объявления властям и начале судебного разбирательства. В судебных делах подобные заявления делались как мужчинами, так и женщинами. Один из крестьян д.Баженовой Логиновской вол, "поперед сего заметил беременною" свою односельчанку Агафью Васильеву¹⁵. Соседка Ирины Мясниковой из д. Токаревой также еще до родов "знала, что та была беременной".¹⁶ Жители с.Багарятского доносили сотнику, что женка Авдотья Понамарева, "бывши до сего в беременности, ныне, как видно, онаго бремени лишилась".¹⁷

Только такая важная причина позволяла вслух, при властях говорить про беременность. Обычно же вера во влияние дурного глаза и дурной мысли на состояние здоровья матери и ее будущего ребенка окружали их как бы атмосферой умолчания.

Крестьяне понимали, что "чреватая" женщина должна "всемерно" оберегать себя, чтобы "неповредить ребенка". Даже неосторожное исполнение обычных домашних работ - мытья полов, ношения воды, могли привести к выкидышу и преждевременным родам. "Не от занятия ли ею домашними крестьянскими работами или от поднятия тяжестей, - так рассуждала крестьянка Агафья Васильева, - ребенок рожден насвоевременно и мертвой".¹⁸ Подобные ситуации в крестьянском быту встречались часто. Анна Кремлева из д. Сосновой Камышевской вол. "по вечеру, неся в избу дрова, сползлизнулася, упала, отчего и почувствовала в животе жестокую боль и тою же ночью выкинула младенца".¹⁹ Крестьянка Авдотья Понамарева, находясь на пятом месяце беременности, стирала в бане белье. Ее толкнули на ведро, "отчего расшибла она имеемую у себя беременность и тот же час родила младенца мертвым"²⁰. "От нечаянного падения с лестницы" преждевременно родился младенец у Степаниды Глазыриной.²¹

Рожденных "несвоевременно", "прежде настоящего времени" младенцев называли "недоносками". Как правило, они были мертворожденными. Лекарь в оправдание жительницы д.Кобылиной Маминской вол. Авдотьи Медведевой писал, что ее 6-месячный ребенок "действительно родился мертвым, что смерть ему в материнской утробе последовала от ушибов"²². Младенец 30 недель или 6-7 месяцев по свидетельству лекарей, "еще не был способен продолжать жизнь, по несовершенству частей тела"²³.

При преждевременных родах женщина не только теряла ребенка, но и рисковала собственным здоровьем. Евгения Черепанова из д. Давыдовой на покосе, садясь в телегу, "по неосторожности пала на колесо брюхом так жестоко, что, пришед в чувство, не могла ехать домой". У нее начались преждевременные роды, которыми она "маялась с 1 сего месяца по 4 сие число около полден"²⁴. Другая беременная "носила из амбара в избу пудовкой ячмень и с оным, идучи по лестнице, пала, отчего и находится в тягчайшей болезни с самого рождения младенца". Тягчайшей болезнью была "долговременная гнилая горячка", от которой эта женщина "находилась в совершеннейшем расслаблении"²⁵.

Даже если беременность протекала нормально, то роды все равно в сознании крестьянских женщин связывались с болью. "Маяться родами", "мучиться родами" так определяли окружающие их состояние. Поэтому от посторонних приближение родов старались скрыть. Считали, "что роды будут тяжелыми, если о них знают и думают многие, может быть злые, урочные"²⁶. В некоторых местах Урала женщины утаивали это и от своих домашних, в особенности мужчин²⁷. Насколько в реальной жизни различные члены семьи были осведомлены о приближении родов видно из случая с семьей Прохоровых из Глинской вол. Кроме роженицы и ее свекрови 76 лет, которая припимала ребенка, в доме находились еще взрослые семейные люди. Мужчины при допросе сразу заявили, что "по праздничному времени ходили в деревне из дому в дом для пировки" и "когда же и каким образом родила их сноха, объяснить может только их мать" (то есть свекровь роженицы). Не больше знали о предстоящих родах в этой семье и замужние женщины. Одна из них пояснила, что "для сокрытия приближения к разрешению от бремени" ее сноха сказала только, что "пойдет на вечерки" (в качестве предлога используя то же праздничное время) и "сказавшись..., из избы ушла". Во время родов замужних женщин из этой семьи в бане не было. О рождении ребенка они узнали от свекрови уже утром.²⁸

Начало песни "Я родилась в новой бане на полке"²⁹ указывает на традиционное в силу "моральных и экономических условий"³⁰ крестьянской семьи место родов. Как замечал С.Буевский,

беременные всегда стараются укрыться в бане"³¹. Вот как объясняла свекровь Улиты Прохоровой, почему ее сноха рожала в бане: "дабы не догадались прочие домашние и в случае при рождении не сделали никакой помехи, то она ее созвала в баню"³². Баню роженица успевала выпить чаще всего сама. Иногда роды происходили в погребке (по уральски в голбце). Однако, по нашим наблюдениям, голбец был чаще всего местом криминальных родов девок или солдаток. Здесь же при случае закапывали мертворожденного ребенка и послед.³³

О состоянии женщины к началу родов скажем словами уже упомянутой Улиты Прохоровой. Она еще утром "припадок почувствовала, весь день ходила через силу, в баню ушла еще с вечера, сказавшись домашним, а бабке, свекрови своей, сказав тихонько, чтоб поскорее туда пришла"³⁴.

Итак, родовспоможение обеспечивала только бабка-повитуха. Она оставалась единственной помощницей женщины при родах. О повитухах - акушерках традиционного общества, нам известно не так уж много. Хотя последнее время ведется кропотливый поиск сведений о жизни повитух и об их умении помогать роженицам. Материалы судебных дел содержат много еще не востребованной историками информации о повитухах. Называются имена повитух, указывается их возраст и социальное положение. В судебных делах, касающихся изнасилований, криминальных родов, уничтожения беременности, сохранились, свидетельства, данные повитухами.

Свидетельство (нач XIX в)

"Употребляющаяся в повивальстве бабка Екатеринбургской волости крестьянина Дмитрия Крылова жена Анна Иванова по приводе к присяге показала, что она Крылова девку свидетельствовала, которая оказалась действительно растлена.

В чем по долгу присяги и объявляет по сущей справедливости"³⁵.

Назовем имена и фамилии некоторых повитух: крестьянская женка Дарья Аверьяновна по муже Малых (Екатеринбургская вол.), крестьянские вдовы Авдотья Ческидова и Марфа Черепанова (Мурзинская вол. д.Зырянка), крестьянки д.Давыдовой Багарякской вол. Матрена Иванова Слободчикова 62 лет и вдова Стефанида Михеева Лугинина 45 лет, крестьянские женки с.Кисловского Покровской вол. Парасковья Степанова Меньшикова 65 лет и Дарья Федорова Гришанова 50 лет, крестьянские женки с. Багарякского Федора Никитина Мякотина и Марфа Алексеева Кардаполова, крестьянские вдовы "пожилые женщины" из Логиновской вол. Акулина Уфаева, Матрена Кажнева, Авдотья Котова³⁶.

От умений и знаний деревенских повитух зависели жизнь и здоровье будущего поколения а также женщин-рожениц. Пови-

важные бабки имели большой багаж сведений об акушерстве. "По своим особым признакам" они могли определить, что "девица действительно растлена", установить "давно или недавно лишена она девства", "накинув на брюхо руку", узнать беременна женщина ли нет и указать сроки беременности (так повивальные бабки "ощупывая без разоблачения верхнего и нижнего платья брюхо и груди" Авдотьи Ошевой, крестьянки с.Кисловского, сказали, что она беременна и ребенок у нее уже большой, недель не менее пятнадцати)³⁷, выяснит, что у женщины "точно в утробе младенца не имеется, а только полагают они, что она после родин"³⁸ и многое другое.

Для облегчения родов они применяли самые различные средства. Строго следили, не осталось ли какого-либо узла, чтобы ребенок во время выхода из материнского чрева за него не зацепился³⁹. Поэтому женщины во время схваток разувались, распоясывались, раздевались, оставаясь в одной "становине" (рубашке), расплетали косы⁴⁰. При родах употребляли различные лекарственные средства. В Пермской губ. использовали, например, такой рецепт: "Аще, роженица не может родить, ино налови кобылок травянистых, изсуши, истолчи и тем роженице тайны уды подпур, и родит вскоре без болезни"⁴¹. Для быстрого разрешения от бремени родильницу старались испугать - поднимали ложную тревогу с криками: "пожар, пожар"⁴². При трудных родах ее заставляли пролезть через дугу или просили священника открыть царские врата⁴³. Если женщина долго не могла родить, то читали специальную молитву: "Господь наш, Иисус Христос, обретете Иоанном Богословом жену родимую, шерцем болящую, не может родить, глагола господь наш Иисус Христос ко Иоанну Богослову: "Гряде Иоане, и рцы рабе божией, имя реку в правое ухо от бога родшую: Выйди младенец, Иисус Христос зовет, креститься хочет. Помяни, господи, сыны Евдомския в день испытанья до скончания ея"⁴⁴

При трудных родах женщины просили помочь и давали обеты так называемые святым "Мучильницам" - Парасковее, Катерине, Варваре. Особенно почитались их дни (соответственно указаниям А.А.Макаренко приходящиеся на 14 октября, 4 ноября и 4 декабря)⁴⁵.

Сколько бы не маялась женщина родами, приходящая "для бабенья" повитуха, была все это время с нею. Так Стефанида Михеева Лугинина не отходила от одной из рожениц два дня⁴⁶. Во время родов женщина стояла на ногах, а бабка нажимала ей на живот, стараясь протолкнуть ребенка к низу⁴⁷. При стоячем и даже висячем положении крестьянских рожениц часто случалось, что бабка не успевала схватить уже родившегося ребенка и он получал травму, или обрывалась пуповина, или матка вытягивалась наружу⁴⁸. Чтобы избежать этого уральские

повитухи в последние минуты перед появлением ребенка на свет разрешали женщине лечь⁴⁹.

Несчастный случай при родах, таким образом, мог произойти и при повитухе. Но ее присутствие значительно уменьшало его вероятность. Жительница с. Рождественского Агрофена Суслова рожала одна. Ее ребенок "при рождении, не будучи ни кем поддерживаем, упал на мерзлую землю"⁵⁰.

У новорожденного обрабатывала пуповину чаще всего повитуха, ибо роженица могла от боли "зделавшись без чувств, не помнить как родила". Сохранение жизни младенца зависело от умения бабки, которая должна была "пупочный канатик острым орудием обрезать и толстой ниткой завязать по надлежащему"⁵¹. Во всех без исключения делах о криминальных родах, просмотренных нами, данное правило было нарушено, что специально отмечалось в освидетельствовании трупа младенца: "пупочный канатик оказался оторванным и неперевязанным", "пуп не обрезан", "пуповина не перевязана" и т. п. Неосторожное обращение с пуповиной могло быть причиной гибели младенца. Во-первых из-за потери крови, во-вторых, из-за вытягивания части внутренностей наружу⁵². У рожениц, находившихся "в испуге и слабости, необходимой при родах" хватало сил только на то чтоб "оторвать пуповину руками". Эти случаи хорошо иллюстрируют насколько необходимой была помощь повитухи при родах.

В статьях, посвященных данной теме, специально обращалось внимание на то, что при родах женщины часто обходились без повитухи, больше рассчитывая на ее помощь после родов⁵³. Случай с Маврой Ситиной, как бы концентрирует все те беды, которые могли произойти: если "бабку для пособия не пригласили". Мавра рожала "будучи одна". При рождении около шейки младенца пупок обернут не был. Когда получила она место (послед - Г.С.), вместо того, чтобы пуповину от места обрезать и завязать пупок ниткой, чувствуя от родов ужасную боль, будучи вне себя, место от пупка отрывала руками и оное нужно ли было завязывать...не знала"⁵⁴.

Как указывает Т.А.Бернштам в крестьянском сознании роды укладывались в обобщенное понятие случай/слука. Это указывало на неизвестность, непредвиденность результатов события в процессе его свершения (родится ли ребенок живым и здоровым, в каком состоянии будет мать)⁵⁵. Роды могли иметь два исхода. К мертвому младенцу призывали священника "для обмолитствования мертворожденного". По прибытии он читал "надлежащую на такой случай молитву и над роженицей", приказывал мертвого младенца "не в дому держать, а сделать гробок" и похоронить, например, под часовней⁵⁶.

Если же младенец был жив и неведим, то его заворачивали

в рубашку отца, чтобы тот больше любил ребенка⁵⁷. В дальнейшем младенец как можно скорее должен был быть "омолитвован и крещен".

По воззрениям крестьян некрещенного младенца подстерегали разные опасности. Одной из них были действия ведьмы - "вешщицы". Утащить ребенка она пыталась еще из чрева матери. В Оханском у. считали, что "вешщицы" обращаясь в сороку, летали ночью по домам, вынимали у беременных женщин младенцев, а затем, собравшись вместе, съедали свою добычу⁵⁸. Украсть ребенка, как полагали крестьяне Камышловского у., ведьма могла и после его рождения. Во избежании этого младенца клали головою под лавку⁵⁹.

В Оханском у., чтобы ребенок не плакал и спокойно лежал в колыбели, повитуха брала его на руки и обходила с ним вокруг бани. Информатор отмечал, что бабка и младенец должны были быть "нагие" даже зимой. При этом повитуха приговаривала: "...возьми младенца зыки и рыки, дневные и ночные"⁶⁰.

По всей России было распространено "мнение", что дети родятся "как бы смятыми и должны быть расправлены в бане повивальной бабкой, баньщицей на второй или третий день" после своего рождения⁶¹. Бабка "парила шолковым виничком тело белое" младенца, "смывала все скорби и боли"⁶². "Править" ребенка начинали с головы, сдавливая ее со всех сторон; затем стирали солью остаток зародышевой воды и щетину, придавали правильную форму носу, тянули вначале правую руку и левую ногу в противоположенные стороны, а потом также левую руку и правую ногу. Наконец, брали младенца за ноги и несколько раз встряхивали, чтобы привести в порядок внутренности и предохранить от грыжи⁶³. При этих действиях повитуха приговаривала:

Не я тебя парила,
Не я тебя правила,
Парила и правила
Бабушка Соломанида,
Из-за моря приходила,
Да здоровья приносила..."⁶⁴

В России повитухи, как указывает Т.А.Листова, считали "бабушку Соломону" (в уральских текстах встречается также имя Соломия)⁶⁵ своей главной покровительницей и помощницей⁶⁶. День Соломониды или - "Соломониды ба (в) ушки", приходится на 1 августа (по старому стилю) и почитался "детными" и "бережими бабами"⁶⁷.

В первые дни после родов повитуха водила в баню а там "парила и правила" также роженицу. У только что родившей женщины "правили" прежде всего живот, "чтобы "золотник" (матка) стал на место"⁶⁸. При этой процедуре "в народном акушерстве

Красноуфимского у., - как отмечали М. И. Мещеров и Н. Л. Скалозубов, - есть прекрасное правило, что "править живот возможно сколько хочешь, но прикладывать руки ... нельзя"⁶⁹. По их мнению, "это святое правило, выработанное горьким опытом роковых последствий манипуляции бабушки грязными руками ... спасло и спасает от родильной горячки массу женщин"⁷⁰.

Ближайшие родственники и соседи навещали роженицу, приносили ей рыбные и изюмные пироги, огурцы, грузди⁷¹. В с. Романовском Верхотурского у. женщины приносили роженице даже пиво⁷². Делалось это, чтобы она скорее оправилась от родов⁷³. В сельской местности вокруг Невьянского завода такие подношения назывались "зубками" и могли включать в себя белый хлеб, пирог с рыбой, пельмени с мясом, овощи⁷⁴. Видимо эти посещения назывались на Урале "родинами"⁷⁵, в отличие от крестин - "угощения со стороны родителей младенца", происходившее после церковного обряда крещения⁷⁶. Для него надо было выбрать восприемников. В записях метрических книг священники соблюдали церковные правила и записывали только одного восприемника, не признавая крестьянскую традицию, по которой выбирали двух крстных - крстного отца и крстную мать. На то, что подобное несоответствие могло наблюдаться в разных местностях России, недавно обратила внимание исследователей Т. А. Листова⁷⁷. Крстных крестьяне называли так же кумом и кумой. Родители ребенка старались выбрать кумов таких, у которых "в живых" было много крстных⁷⁸. Чтобы ребенок не умер, просили быть его восприемником также первого встречного⁷⁹.

С крстными были связаны гадание о будущей жизнеспособности родившегося ребенка. В Камышловском у. при крщении ребенка его подстриженные волосы священник передавал крстному, который скатывал их с кусочком воска и бросал в воду. Считалось, что если восковой шарик потонет, то ребенок умрет, если нет - то будет жить⁸⁰.

На крстинах восприемники и повивальная бабка были главными и необходимыми действующими лицами. Приглашенные поздравляли родителей ребенка "с новорожденным". Хозяева подавали им налитые вином рюмки. Гости "по принятию" угощения клали на поднос несколько копеек и желали "здоровья" родильнице, а, обращаясь к отцу ребенка, произносили традиционную фразу: "Дитя вскормить и на коня посадить", если речь шла о мальчике, а если рождалась девочка, то "вскормить и за пряслицу посадить". Затем повитуха подавала кашу и гости снова должны были положить на поднос несколько копеек, которые предназначались бабке за труды. По местному это угощение имело специальное название - "пожилы"⁸¹.

В Камышловском у. крстины включали в себя кормление

повитухой отца ребенка какой-либо испорченной пищей. В данной местности, правда, ее испорченность была относительной. Бабка подавала отцу кусок хлеба, однако делалось это с традиционной целью: "в знак того, что по его вине пришлось мучиться жене"⁸².

Обряд размывания рук завершал череду событий, связанных с рождением ребенка. В Кунгурском у. он считался священным⁸³. В с. Спасобардинском того же уезда это происходило следующим образом. Родильница брала ковш воды, кусок мыла, несколько аршин холста и поливала на руки бабке. Бабка умывала мылом руки и, вытерев их холстом, в свою очередь лила воду на руки родившей⁸⁴.

Полностью описанные события в жизни крестьянской семьи занимали не так много времени, продолжаясь всего несколько дней. Один из уральских информаторов РГО сообщал, что беременные женщины накануне родов до позднего вечера могли работать в поле, а после родов на третий или четвертый день снова идти на работу⁸⁵.

В начале статьи ее задача была определена следующим образом - через конкретно-реконструируемые фольклорно-этнографические типы и через письменно-известные лица и судебные дела описать такое событие как рождение ребенка. С историко-этнографической точки зрения данные фольклора и этнографии, дополненные материалами судебных дел, позволяют реконструировать это явление с достаточной степенью целостности, что весьма перспективно для проникновения в традиционно закрытую и поэтому мало изученную "женскую сферу".

Описание как задача статьи сама по себе исчерпывающая. Однако оно проводилось с определенных позиций, а именно внимание было сосредоточено на поведении, что позволяет судить о принципах, положенных в основу поведения людей в такой ситуации.

Следует согласиться с широко распространенной точкой зрения, что общественная организация прошлого была направлена на поддержание высокой рождаемости и высокого уровня детности. На Урале общество (община) - ближайшее окружение беременной женщины, односельчане, однодеревенцы, соседи, родственники, имели детоцентристские установки: контроль за сохранением беременности, даже вопреки желанию женщины, "осознание особого состояния и поведения беременных", осуждение действий самой женщины и ее односельчан по намеренному или ненамеренному "истреблению беременности", культивирование таких традиций, как посещение родильницы и семейного праздника в честь рождения младенца, выделение из общины восприемников

общедоступность для любой беременной женщины помощи повитухи (в деревне насчитывалось, как правило несколько практикующих повивальных бабок, поэтому при особо серьезном случае в рамках общины не было проблемы организовать консилиум из нескольких повитух).

Однако, из внимания общины к проблеме деторождения совершенно выпадал момент самих родов, здесь община полностью устранялась, оставляя в замкнутом пространстве бани один на один роженицу и повивальную бабку. В традиционном понимании идеальные роды происходят в бане, лучше всего ночью, когда все спят и как бы ничего не знают. Промучившись под неусыпным оком повитухи в течение нескольких часов, где-то ближе к рассвету, перед наступлением нового дня женщина рождает младенца, дает начало новой жизни.

Весьма показательным является поведение пары "роженица-повивальная бабка". Она была оппозиционна по своей структуре как биологически: роженица обладает способностью к деторождению - повитуха, "пожилая" женщина или вдова, репродуктивный период которой уже завершен, так и поведенческий: роженица была пассивной, а бабка - активной стороной.

Казалось бы, деторождение - одна из главнейших функций женщины в традиционном обществе и момент родов это реальное воплощение "женской миссии", доминанта "женской судьбы". Однако положение роженицы не соответствует этому ни с ритуальной, ни с физиологической стороны. В предродовой период она и ее будущий ребенок является объектом нанесения вреда, который могли им причинить люди, предметы, нечистая сила. Во время родов она больна, мучается, у нее не хватает сил, а нередко и умения, обработать пуповину, оградить ребенка от действия злых сил и пр. Повивальная бабка, наоборот, предстает активной, всезнающей, всеумеющей доброй помощницей роженицы. Она многое знает о протекании беременности, облегчает родовые муки, принимает ребенка, умеет защитить его; загоняет плач и даже в ритуале крестин имеет право наказать отца младенца за страдания его жены. Кроме того из литературы известно, что повитуха во время пребывания в доме роженицы вела за нее хозяйство. Получается, что повивальная бабка делала все, что не могла или не умела роженица и, таким образом, как бы дополняла, а временами прямо замещала ее. Выход из этого состояния дихотомии роженицы и повитухи и возвращение женщины в прежнее нормальное состояние после родов должен был быть каким-то образом оформлен. С учетом этого становится ясно, почему женщины свято соблюдали обряд размывания рук.

Примечания

¹ О трудностях в собирании заговоров см.: **Листова Т.А.** Русские обряд, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX-е годы XX вв.) //Русские: семейный и общественный быт. - М., 1989. - С.1

² **Сумцов Н.Ф.** О славянских народных воззрениях на новорожденного ребенка //ЖМНП. - 1980. - N 11. - С.68-94; **Успенский Д.** Родины и кресты Уход за родильницей и новорожденным //ЭО. - 1985. - N 4. - С.71-83; см. так библиографию к статье: **Листова Т.А.** Русские обряды... - С.164-166.

³ **Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры.** - М., 19 - С.397-400.

⁴ **Листова Т.А.** Русские обряды...С.142-171; Она же. Кумовья и кумовс в русской деревне //СЭ. - 1991. - N 2. - С.37-52.

⁵ **Листова Т.А.** Программа сбора сведений по обычаям и обрядам, связанным с рождением ребенка //Русские семейный и общественный... - С.292-307.

⁶ На путях из Земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии североуральских крестьянства XVII-XX вв. - М., 1989. - С.268-286.

⁷ На путях из Земли... - С.285.

⁸ **Громыко М.М.** Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVI первая половина XIX вв.). - Новосибирск, 1975; Она же. Традиционные формы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. - М., 1986.

⁹ **Листова Т.А.** Русские обряды... - С.142.

¹⁰ ГАСО. Ф.105.Оп.2.Д.3.Л.4

¹¹ Там же. Ф.12.Оп.1.Д.1052.Л.18.

¹² Там же. Д.626.Л.17.

¹³ Там же. Д.831.Л.6.

¹⁴ Там же. Д.921.Л.4 об.

¹⁵ ГАСО. Ф.12.Оп.1.Д.1257.Л.2.

¹⁶ Там же. Д.1971.Л.1.

¹⁷ Там же. Д.921.Л.14 об.

¹⁸ Там же. Д.1257.Л.9.

¹⁹ Там же. Д.428.Л.8

²⁰ ГАСО. Ф.12.Оп.1.Д.1071.Л.8.

²¹ Там же. Д.1203.Л.30.

²² Там же. Д.1168.Л.32.

²³ Там же. Д.1257.Л.6

²⁴ Там же. Д.831.Л.7.

²⁵ ГАСО. Ф.105.Оп.2.Д.3.Л.25,27.

²⁶ **Мещеров М.И., Скалозубов Н.Л.** К вопросу о народной медицине Красноуфимском уезде //Пермский край. - Пермь, 1893. - Т.2. - С.248.

²⁷ **Зеленин Д.К.** Описание рукописей Императорского Российского географического общества. Вып.3; Пермская губерния. - С.1046; **Стажкин И.** Из камышловских этнографических наблюдений //Пермский краеведческий сборник. - Вып.4. - С.132.

²⁸ ГАСО. Ф.12.Оп.1.Д.626.Л.13-16 об.

²⁹ **Бирюков В.П.** Урал в его живом слове. - Свердловск, 1953. - С.52; ГАСО. Ф.101. Оп.1.Д.833.Л.31 об.

³⁰ **Стажкин И.Я.** Из камышловских этнографических ... - С.132.

³¹ **Бувевский С.** Жители Кунгурского уезда //Ученые записки, издаваемые Казанским университетом. - Казань, 1858. - К.1. - С.165.

³² ГАСО. Ф.12.Оп.1.Д.626.Л.13 об.

³³ Там же. Д.831.Л.11; Д.921.Л.1.

³⁴ ГАСО. Ф.12.Оп.1.Д.626.Л.17

³⁵ Там же. Д.155.Л.5.

³⁶ ГАСО. Ф.12.Оп.1.Д.142.Л.16; Д.831.Л.8; Д.1052.Л.14 об., 16; Д.1071.Л.Д.1291.Л.1; Ф.105.Оп.3.Д.105.Л.14.

- ³⁷ Там же. Д.1052.Л.6 об., 13, 14 об.
- ³⁸ Там же. Д.1071. Л.1.
- ³⁹ **Стяжкин И.Я.** Из камышловских этнографических... - С.132; **Буевский С.** Жители Кунгурского уезда. - С.165.
- ⁴⁰ **Зеленин Д.К.** Описание рукописей... - Вып.3. - С.1046; **Стяжкин И.Я.** Из Камышловских этнографических... - С.132.
- ⁴¹ **Соболева Л.С.** Рукописный лечебник XVIII в. строгановского крестьянина **Василия Демидова** // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. - Новосибирск, 1990. - С.78.
- ⁴² **Сумцов Н.Ф.** О славянских народных воззрениях ... - С.75.
- ⁴³ **Стяжкин И.Я.** Из камышловских этнографических... - С.132.
- ⁴⁴ **Соболева Л.С.** Рукописный лечебник... - С.79.
- ⁴⁵ **Макаренко А.А.** Сибирский народный календарь. - Новосибирск, 1993. - С.141, 147, 150.
- ⁴⁶ ГАСО. Ф.12.Оп.1.Д.831.Л.8.
- ⁴⁷ **Стяжкин И.Я.** Из камышловских этнографических ... - С.132.
- ⁴⁸ **Кребель Р.** Народная медицина и народные средства различных племен Русского царства. - М., 1868. - С.6.
- ⁴⁹ **Стяжкин И.Я.** Из камышловских этнографических... - С.132.
- ⁵⁰ ГАСО. Ф.12.Оп.1.Д.952.Л.9 об.
- ⁵¹ Там же. Д.158.Л.12.
- ⁵² Там же. Д.781.Л.3. об.
- ⁵³ **Листова Т.А.** Русские обряды... - С.145; На путях из Земли.... - С.281.
- ⁵⁴ ГАСО. Ф.12.Оп.1.Д.781.Л.5. об.
- ⁵⁵ **Бернштам Т.А.** Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX - начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. - Л., 1988. - С.10.
- ⁵⁶ ГАСО. Ф.12.Оп.1.Д.626.Л.6,22 об.; Д.831.Л.7.
- ⁵⁷ **Стяжкин И.Я.** Из камышловских этнографических... - С.132.
- ⁵⁸ **Зеленин Д.К.** Описание рукописей... - Вып.3. - С.1007.
- ⁵⁹ **Стяжкин И.Я.** Из камышловских этнографических... - С.132.
- ⁶⁰ **Зеленин Д.К.** Описание рукописей... - С.112.
- ⁶¹ ГАСО. Ф.101.Оп.1.Д.560.Л.4 об.
- ⁶² **Кребель Р.** Народная медицина... - С.112.
- ⁶³ **Богословский П.** Из местных историко-литературных разысканий // Пермский краеведческий сборник. - Вып.2. - С.22.
- ⁶⁴ ГАСО.Ф.101.Оп.1.Д.560.Л.4 об.
- ⁶⁵ **Листова Т.А.** Русские обряды... - С.146.
- ⁶⁶ **Макаренко А.А.** Сибирский народный календарь... - С.75.
- ⁶⁷ **Мещеров М.И., Скалзубов Н.Л.** К вопросу о народной. - С.248.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ **Стяжкин И.Я.** Из камышловских этнографических ... - С.132.
- ⁷² **Зеленин Д.К.** Описание рукописей... - Вып.3. - С.1000.
- ⁷³ **Стяжкин И.Я.** Из камышловских этнографических... - С.132.
- ⁷⁴ ГАСО. Ф.101.Оп.1.Д.575.Л.27 об. - 28.
- ⁷⁵ **Бирюков В.П.** Урал в его живом... - С.60.
- ⁷⁶ ГАСО. Ф.101.Оп.1.Д.575.Л.28.
- ⁷⁷ **Листова Т.А.** Кумовья и кумовство... - С.39.
- ⁷⁸ **Стяжкин И.Я.** Из камышловских этнографических... - С.131; **Зеленин Д.К.** Описание рукописей... Вып.3. - С.1002.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ **Стяжкин И.Я.** Из камышловских этнографических... - С.132.
- ⁸¹ ГАСО. Ф.101. Оп.1.Д.575.Л.28 об.
- ⁸² **Стяжкин И.Я.** Из камышловских этнографических... - С.132.
- ⁸³ **Буевский С.** Жители Кунгурского уезда. - С.165.
- ⁸⁴ **Зеленин Д.К.** Описание рукописей... - Вып.3. - С.1046.
- ⁸⁵ Там же. - С.1033.